

Читать про себя

О повести В. Сидоренко «Крах»

С поэтом и прозаиком Валентиной Васильевной Сидоренко, урожденной иркутянской, так ладно пригосудившейся там, где родилась, к сожалению, лично не знаком, о чем каждый раз сожалею, читая ее на удивление честные до беспощадности произведения. Пригосудилась Валентина Васильевна родному Иркутску и впоследствии России и как самобытный поэт, и как талантливейший прозаик, и как яркий публицист. Сегодня нам, как никогда, нужны именно такие писатели — честные до беспощадности. Тут и вспомнишь слова Александра Вампилова, что для того, чтобы стать настоящим писателем, надо непременно говорить правду своему народу. Слово о Сидоренко задолго до ее вхождения в литературу сказано! О творчестве Валентины Сидоренко очень доброжелательно отзывался другой русский гениальный писатель — Валентин Григорьевич Распутин. Он для неё жив и поныне, с ним она сверяет свои творческие и жизненные координаты, постоянно бывая на его могиле, словно бы для какого-то очень важного разговора с Валентином Григорьевичем, разговора сколь бессловесного, столь же содержательного, разговора, которому нет конца, пока жив русский народ...

Проза Сидоренко носит все признаки «прозы поэта» — сочный объемный язык, поэтическое восприятие даже самых, казалось бы, негативных сторон жизни. Да и восприятие жизни во всей ее полноте. В свое время Валентина Васильевна стала открытием поэтического небосклона Иркутска, как автор стихотворных сборников «Димитрова суббота», «Осенние тетради», «Складень»... Стихи ее, в большинстве своем, нельзя отнести к исключительно женской лирике, где авторское Я — некий центр мироздания, чем грешат поэтессы, даже очень талантливые. Авторское поэтическое Я Валентины Сидоренко растворено в любви к Богу и России, как особой задумке Бога. Отсюда родом и духовные стихи Сидоренко, отмеченные печатью высокого созерцания.

Однако в жизни Валентина Васильевна вовсе не созерцатель и не отрешенный наблюдатель. Она всегда в гуще жизни и литературы. Многие годы была редактором «Литературного Иркутска», выведя это издание в русло православного мироосмысления. Благодаря Сидоренко достоянием читателей стали уникальные, дотоле хранящиеся под архивным спудом, труды православных мыслителей и философов. «Литературный Иркутск» в бытность редактором Сидоренко вышел на просторы России и даже в страны русского Зарубежья! А когда в Иркутске встал вопрос об открытии православной женской гимназии, Валентина Васильевна тоже не осталась в стороне, активно тому содействуя и как писатель, и как общественный деятель. Работая в Иркутском театре юного зрителя, она впервые организовала Иннокентиевские православные чтения. И все это, как ни удивительно, помогало ей в творчестве, не отвлекало от него, а как бы даже питало литературную часть жизненными соками.

Впервые мне открыл творчество Сидоренко журнал «Наш современник», постоянным автором которого она является. И вот девятая книжка «Нашего современника» за 2021 год снова порадовала публикацией Валентины Васильевны. На

этот раз — повестью с честным и даже жестким названием «Крах», которое не вступает в противоречие с содержанием.

Творчеству Сидоренко, как отмечают многие коллеги и критики, свойственны естественность повествования, по-сибирски самоцветный и самобытный язык. А все это, сопряженное с высоким накалом исповедальности, представляет собой то чтение с горчинкой, которую обычно имеют лекарства. Сидоренко смотрит без розовых очков на наше апокалиптическое время, не боясь осмыслять не столько его победы, сколько русскую трагедию.

В свое время внимание читателей и коллег обратили на себя такие произведения Валентины Сидоренко, как «Завтра праздник», «Сок подорожника», «Поле небороненным», в которых ярко зазвучали мотивы поиска человеческой идентичности в эпоху, которая ныне уже почти официально получила название эпохи «расчеловечивания человека». А такое расчеловечивание стало возможным во многом благодаря тому, что люди в массе своей оторвались от природы, от своего тысячелетнего родового корня и древа, что подпитывает наши душевные силы. Сиюминутное житейское вытеснило житийное, разорение природы лишило людей соборной защищенности, оставив один на один с миром социальных невзгод. Мы в массе своей не поняли, что презрев и забыв общее, нельзя стать счастливым лично, ведь одно неотделимо от другого. Уже в 80-х годах, казалось бы, благополучных годах, Валентина Сидоренко видит признаки надвигающейся катастрофы, которая впоследствии выразилась в крушении советской цивилизации, ведь симптомы оскудения духа народного сказывали себя задолго до начала предательских девяностых годов.

Трагедий у нас сегодня больше, чем побед. В свое время неким прорывом сибирской прозы стал роман Сидоренко «Страстотерпицы» — эпическая вещь о судьбах нескольких поколений женщин, чьи широкие натуры спутали понятия истинной любви с некой иллюзией личного счастья. В повести «Крах» речь идет о мужчинах, да и повествование ведется от мужского имени. Женщины тоже присутствуют в повести, и судьбы их яркие столь же, сколь и характеры. Но все-таки «Крах» — это о мужчинах.

Читаешь и задаешься в очередной раз вопросом, откуда у Валентины Васильевны такое знание и глубокое видение разных натур своих современников? И не объяснишь это тем, что какое-то время она поработала проводницей на железной дороге, узнала страну и людей, что говорится, непосредственно и на близком расстоянии наблюдения и осмысления. Ведь художественная достоверность — это не фактологическая точность. Художественной достоверности веришь душой, как видишь словно живыми и даже с тобой знакомыми людей России и Сибири, что оживают в произведениях Сидоренко — сельчане, горожане, жители сельской глубинки и таежной глухомани. Их, таких разных, роднит наше неизбежное русское искание правды и справедливости жизни. Каждый ищет правды по-своему в повести «Крах».

Потомственный цыган и его подруга с колоритным прозвищем Элька-Копилка — ищут в странствиях, от тяги к которым не избавляет их даже наличие своего дома, который надо обихаживать. Нет, они заботятся о своем родовом уголке — Элька печет блины для гостей, кормит приبلудного кота, но настает время, и она вдруг исчезает. И не только для сбора милостыни в свою копилку, имеющую обличье гипсовой кошки, чтобы потом отправить всю собранную милостыню, разбив копилку, своему сыну в места лишения свободы. Но думается почему-то, что не

только забота о сыне гонит Эльку время от времени в странствия. И не только тоска по юной любви — татарке Загиде — гонит время от времени колоритного цыгана Савелия в странствия! Эти побеги-странствия в неизвестность, как правило, внезапные — уйдет за сигаретами цыган, и возвращается лишь спустя недели, а то и месяцы, весь обросший и в лохмотьях. А пока путешественников нет дома, о доме заботится талантливый художник по прозвищу Филиппок, живущий в этом же домишке, друг и ровесник стареющего писателя, от имени которого ведется повествование. Такая вот почти коммуна людей безбытных и неприкаянных!

Найти себя, настоящего, такого, кто будет жить по совести, справедливости, и при этом счастливо... Такова главная и недостижимая пока цель каждого из героев повести «Крах». Каждый ищет свой смысл по-своему. Каждый мятется — кто странствуя, кто вроде бы сидя на месте, но неприкаян душою. В этом смысле лишь монах Киприан, брат художника, время от времени приезжающий в дом погостить, — счастливое исключение. Киприан прошел долгий и, судя по всему, мучительный путь к самому себе и понял, что путь к себе, к своей совести и путь к Богу — это один и тот же путь. Понял это не теоретически, а вполне очевидно — через жестокие метания, которые автор предпочел оставить за рамками повествования, дав читателю возможность стать соавтором и самому догадываться, какие испытания пришлось пройти монаху Киприану, чтобы его суждения о людях и мире стали напрочь лишены какого бы то ни было осуждения «малых сих», стали проникнуты такой победительной спокойной добротой, которая никак не дает покоя именитому академику Льву Абрамовичу. Лев Абрамович какой-то неведомой атеистической чуйкой предвидит очередной приезд монаха Киприана в гости к брату, и сразу заявляется в гости, что говорится, без лишних церемоний. Видимо, либеральный интеллигент Лев Абрамович, регулярно выезжающий на научные симпозиумы в Америку, никак не может смириться с той спокойной верой, что излучает монах Киприан. И потому прямо с порога, вместо «здравствуйте», Лев Абрамович пытается вызывать монаха на спор с яростью, в которой просматривается неуверенность и как будто бы даже желание быть побежденным в вечном споре атеизма с верой.

Крах ложных идеалов как минимум нескольких поколений людей — вот о чем повесть. О том, что родной русской простоте, а истина всегда проста и немногословна, наша так называемая творческая интеллигенция предпочла чужое. Возможно, с нами сыграла злую шутку та всемирная отзывчивость души, про которую писал ещё Достоевский. Эта всемирная отзывчивость делает русского человека созвучным всем эпохам и мирам. Но она же, если слишком увлечься ею, может сыграть с русским человеком и русским народом злую шутку. Да что там может! Уже сыграла! Главный герой-писатель только после самоубийства единственного сына, а после и самоубийства убитой этим горем жены Ирины начинает задумываться о том, как неправильно они построили жизнь. Они, два неглупых творческих человека: он писатель, она актриса. Служили искусству, старались быть в курсе мировой культуры, ночами выстаивали в очередь в книжный магазин, чтобы купить книгу японской поэзии. Предпочли появлению детей заграничные поездки для улучшения своего культурного уровня. Потом пришло наказание: долго не могли родить ребенка, которого очень хотели. А когда долгожданный сын все-таки появился на свет, он поневоле очутился в атмосфере культуры, оторванной от русского. Сын Сева увлекся чужеродной сатанинской рок-музыкой, в результате чего стал наркоманом и покончил с собой. Трагичен итог насыщенной культурной

творческой жизни главного героя и его жены! Сидя у могил жены и сына, главный герой осознает, что даже отпеть близких людей он не вправе по причине их самоубийства, даже этого утешения он лишен...

По ходу чтения повести не раз возникает ощущение некоей начальности времен, которая обычно бывает после какого-то страшного и глобального катаклизма, когда, сидя на выжженной земле, человек поневоле возвращен к себе и в себя. Он оглядывается вокруг. Он вглядывается в себя, чтобы понять — как такое могло случиться, почему в очередной раз дорога в этот ад оказалась вымощена самыми благими намерениями...

Читаешь и думаешь — как же легко перепутать в нынешней суете, которая подменила и вытеснила в итоге настоящую национальную культуру, как же легко перепутать творчество и искусство. Принять одно за другое. Творчество происходит от слова Творец и заставляет того, кто занимается творчеством, всегда верить себя и свою жизнь божьими заповедями. Понимать, что суета никогда не бывает от Бога! Творчество — это не только стихи, талантливые картины, которые творит художник, друг автора повествования. Творчество — в меньшей степени сотворение мира — детей, дома, владельцем которого после всех испытаний жизни становится главный герой. Не та жизнь налегке, какую обычно предпочитают люди искусства, а постоянные усилия по обиходу родной земли во имя будущего, обережение корней. А искусство — это не всегда и не обязательно от Бога, ведь в основе слова искусство лежит искус, который далеко не все, даже талантливые, люди способны преодолеть.

...Собственно, только с осознания краха всех ценностей, которые казались незбылемыми, начинается, по сути, настоящая жизнь героя повести, которая есть повесть-катарсис, повесть-покаяние, повесть-исповедь человека перед Богом и самим собой. Это повесть-возвращение к самим себе — тем, которые ощущают связь с предками, с прошлым своей земли, с Богом, как непреложной истиной, а не неким теоретическим умствованием. Как духовный опыт, после которого возвращение к прежнему либерально-тенетному состоянию просто невозможно. А с литературной точки зрения «Крах» — это повесть для чтения неспешного, чтения вдумчивого, чтения одинокого, и чтения не вслух. Я бы даже сделал примечание к повести — ЧИТАТЬ ПРО СЕБЯ. Потому что это — именно про себя, про всех нас вместе, но при этом про каждого из нас в отдельности.